

Касаткин Николай

12.06.02

Культура - 2002 - 6 - 12 июня - с.8

Пейзаж нового века

Ретроспектива Николая Касаткина в галерее "На Солянке"

Прошедшая к 70-летию Касаткина ретроспектива его работ открыла зрителю настоящий масштаб этого художника. Ранние, отгаликивающиеся от Фалька полотна, новаторские тогда, в шестидесятые; одни из первых живописных объектов на рубеже с семидесятыми; наконец, ряды монументальных картин, собственно, преобразующих это самое понятие о картине в последние десятилетия.

"Базовое" качество представленной здесь, длящейся уже много лет серии мега-пейзажей Николая Касаткина – отсутствие безличного начала в избираемом мотиве. Его случай далеко не тот, когда художник, придя на пленэр, с ходу способен случайно обнаруженный вид "увидеть – победить". Путь его – проникновение в мотив сполна, всеми возможностями мастерства, проникновение настолько глубинное, что оно способно продолжаться годами, не только вовлекая в это своеобразное исследование первооснов пейзажного пространства самого художника, но и всегда втягивая в него отзывчивого зрителя. И это не случайно: здесь случай предельной открытости творца своему зрителю, приглашение не только на эмоциональное сопереживание картине, но и в какой-то степени на со-творчество.

Действенно, без всяких слов, Касаткин убедительно стирает переход, бывший еще недавно безусловным для подобного рода изображе-

ния: границу между "духовным центром – сутью пейзажа" и "местом зрителя". То "сводя на нет" нижнюю планку рамы, сливающуюся с изображением земли и контрастирующую с тщательно выписанной в "поднебесной" части картины верхней планкой: путь открыт, преград для "входа" в картину нет. То подводя ступени изображенного крыльца к самому краю картины и стоя на них сам – автопортрет в полный рост, – будто приглашая зрителя в свой, совсем не "по ту сторонний" мир. То словно освобождая первый план как место, где зритель становится на место художника, место "перед мотивом", в то время как сам мотив отделяется освещением. То, наоборот, выставляя на переднем плане работы, совершенно вплотную к зрителю, некий препятствующий "проникновению" в картину предмет – дерево или забор. Но и он всегда – перегораживая – зовет в манящую даль пространства пейзажа. Преграда в таких работах никогда не абсолютна, но подчинена все той же цели: зову в картину. Тому служат и намеренно чересчур фактурное, пастозно написанное дерево, которое так и хочется обойти "с той стороны", и щели в заборе, сквозь которые проникают, видимы пространство и свет солнца – соединяя реальности зрителя и картины.

Однако бесчисленное число вариаций пространственных ходов совсем не требует такого же количества –

произвольного множества – самих изображаемых мотивов. Нет, мотив, конечно, не един, но внутреннее сходство "портретируемых" Касаткиным с 1983 года видов в окрестностях Смоленской области настолько поразительно, что кажется обречением единства точки зрения, в которой изменяется только местоположение автора (а вместе с ним и зрителя-наблюдателя), сам же мотив остается прежним, то ли будучи изображенным как несколько видов из некоего центра, то ли, наоборот, – как один вид из разных положений или даже как зеркальное отражение одного вида.

Особый дар Касаткина позволяет постоянно обнаруживать в этом локальном пространстве необычные, поистине вселенские превращения мотива, его трансформации, и в малом, в поистине скромном находить столь многое. Именно причастность к восприятию некой тайны русского пространства дает ему возможность даже никому неподвластным временем распоряжаться, словно подспорным инструментом, совмещающая в одной картине день с ночью и лето с зимой, сочетая циклы времен, будто краски. И это не просто фантазия или вымысел, но – вневременная реальность художника Николая Касаткина, оказавшаяся столь созвучной запросам наступившего, предельно виртуального века.

Сергей ПОПОВ